

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

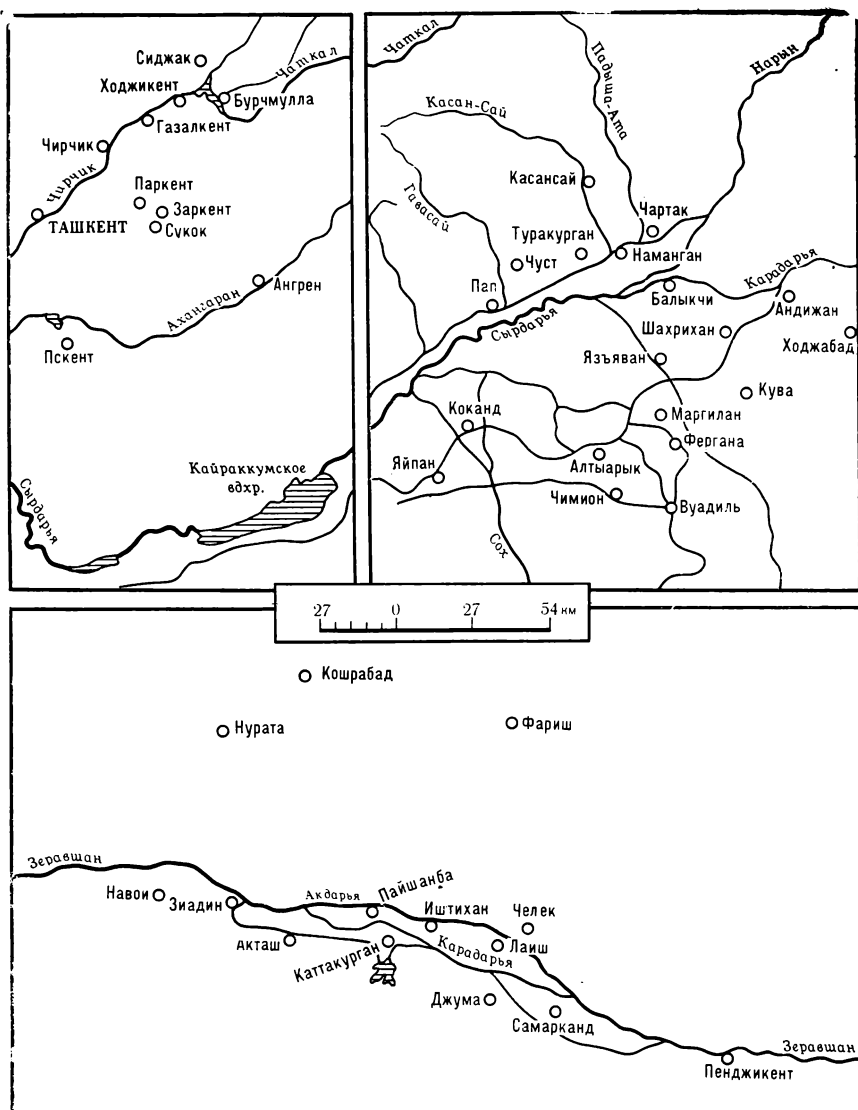
II. ЭТНОГРАФИЯ. КУЛЬТУРА. РЕЛИГИЯ

Р. Я. Рассудова

СЕМЕЙНЫЕ ГРУППЫ: ОДНА ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В ОРОШАЕМЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (XIX — первая половина XX в.)

Семейные трудовые группы являлись одной из форм организации сельского оседлого населения в полевом и водном хозяйстве в пределах ирригационной магистрали второй или третьей степени (степень определялась в зависимости от величины водного источника). В данной статье рассматриваются сохранившиеся трудовые и родственные связи внутри различных семейных групп, а также соотношение этих групп в целом с другими общественными объединениями внутри сельских общин и селений.

Собранные автором полевые и литературные материалы относятся к Ферганской и Зеравшанской (в ее средней части) долинам и Ташкентскому оазису. В Зеравшанской долине оседлое население, представленное в основном таджиками, сосредоточивалось в городах и крупных селениях (Бухара, Самарканд, Каттакурган, Лаиш, Иштихан, Дагбид и др.). В остальных местах расселялось тюркоязычное население, сохранявшее еще в начале XX в. свою родо-племенную организацию. Оно пришло сюда в разное время. Более ранние тюркские племена оказались малочисленными и разбросанными среди поздних тюркских же пришельцев — узбеков. Последние поселились, особенно после XVII—XVIII вв., компактно и заняли обширные территории: Мианкальское междуречье — кипчаки, хтаи и кырки (на востоке); низовья Даргомского бассейна, Джамскую пустыню и Зиadinский район — найманы, сараи, мангыты и др.; северную окраину Мианкаля (кишлаки Митан, Майбулак, Янбаши, Андак, Кошрабад) — джалаиры, бахрины, туркмены; к востоку от них — каракалпаки, южнее — кутчи. Арабы занимали два района — вокруг Самарканда и Каттакургана (Чимбай, Бурана, Гурджи, Кара, Акташ, Калхат и т. д.) [1; 13; 20; 36].

Схематическая карта Ташкентского оазиса,
Ферганской и Зеравшанской долин

Среди таджиков и узбеков почти всюду расселена многочисленная группа ходжа, или карахан (караган)¹. В каждом кишлаке они занимали хотя бы небольшую его часть. Нередко в

¹ Караханы, или (реже) караганы, возможно, являлись отдаленными потомками тюрков, династии, известной в Средней Азии как Караханиды (X—XII вв.) [20, т. 1]. Слово «караган» («карахан») не следует смешивать с одним из обозначений семейно-родственной группы караган (см. примеч. 3).

крупных поселениях насчитывалось даже по несколько кварталов ходжа; существовали и целые селения, занятые ими (ферганский Пиникан). В основном ходжа сосредоточивались в Мианкальском междуречье (Суганчи, Дагбид, Лаиш, Дабуссия, Иштихан, Матрид), а также в Самарканде и его окрестностях (в Бухаре наличие их отмечено уже в IX в.) [8]. В целом по Самаркандской области, где кипчаки и хтаи были самыми многочисленными группами, ходжа преобладали над всеми родо-племенными объединениями, за исключением кипчаков [12; 32; 33; 36].

Оседлое население Ташкентского оазиса разделялось на ираноязычных таджиков и тюркоязычных сартов, последние в некоторых районах еще в начале XX в. говорили по-таджикски, и их считали таджиками (например, в Пскенте) [2, с. 154—158; 3]. Оба народа не имели родо-племенного деления. Среди них также жили ходжа (практически в каждом селении). В Ташкентском оазисе таджики, сарты, как и ходжа, селились вдоль рек Чирчик (Ташкент, Газалкент, Ходжикент, Сиджак, Нанай и др.) и Ангрен (Унгут, Карахтай до Аблык), в предгорном Джетыкенте (Паркент, Сукок, Заркент и до Невича и Башкизилсая) [39].

В Ферганской долине таджики также сосредоточивались в предгорной (наманганской) окраине (Чадак, Гава, Чуст, Касансай), а в ряде районов (Гурумсарай, Пап, Чиндаул, Туракурбан, Чартак) они селились попеременно с сартами. Сарты же занимали в основном равнинную часть Ферганы (кокандские селения Катран, Бачкир, Бувайда, Янгикурбан, Мазар, Кудаш, Яйпан, Охчи, Сарыкурбан, Нурсук и др.), а также окрестности Маргилана и Ферганы (Заркент, Арабмазар, Турбат, Яккакатут, Охчи, Вуадиль). В этом районе (селения Хангыз, Чимион, Бурбалык, Риштан) жили и таджики. Сарты селились в восточной (андижанской) части Ферганы (селения Балыкчи, Кияли, Насриддинбек-чек, Ходжабад, Шахрихан и многие другие) [37]. В Фергане, как и в первых двух регионах, мы не встречали ни одного селения, где не было бы квартала ходжа или хотя бы несколько их семей. И в Фергане ходжа сосредоточивались в основном в западной части долины, в низовьях ирригационных систем, в крупных селениях и городах [32].

В литературе отсутствуют специальные работы о семейных группах. До настоящего времени внимание исследователей было обращено на одну форму семейных объединений — семейно-родственную группу, в которой главы (мужчины) отдельных семей состоят в кровном родстве, ведущемся по отцовской линии. Авторы отмечают в основном наличие этой группы в кишлаках и ее значение как одного из организационных подразделений населения и изредка — как объединения для совместной работы [14; 18; 19; 21; 22; 31; 34].

Полевые материалы, собранные нами в течение последних почти двадцати пяти лет, позволяют воссоздать взаимоотноше-

ния отдельных семей не только в процессе труда, но и в быту. Семейные объединения целиком и частично выступали в качестве самостоятельных организационных единиц; они были многофункциональны. Например, семейные группы складывались для выполнения различных хозяйственных работ (полевых, ирригационных, дорожных, строительных и др.), для проведения праздников, свадеб, при осуществлении религиозных, траурных обрядов. В зависимости от целей объединения, а также расположения жилищ (в селении или вне пределов его) основой образования семейных групп являлись родственные (с четким выделением родства по крови и свойству, по мужской или женской линии), половозрастные (в том числе и по личным симпатиям), территориальные связи. Каждая из этих групп имела свое название; последние различались по районам.

Предмет нашего анализа — семейные группы, составлявшие во время полевых и ирригационных работ. Эти группы различались по характеру связей между семьями и по числу семей в них. В одних районах главы семей таких трудовых групп являлись кровными родственниками; в других — родственниками лишь по свойству или чужаками. Число семейно-родственных групп зависело от величины селений и колебалось от трех до пяти, редко до семи.

Возникновение таких групп связывалось обычно с несколькими родными братьями, первыми поселившимися в данной местности. Впоследствии их стали почитать основателями селений и отдельных их частей и родоначальниками их жителей².

Одна семейно-родственная группа, вначале, естественно, малочисленная, селилась компактно. В зависимости от обстоятельств она выступала в различных ипостасях (как коллектив, распоряжавшийся землей, ирригационной системой, или трудовой коллектив и т. д.). О том, что компактное расселение было широко распространено, можно судить по отдельным сохранившимся признакам. Так, в кокандских селениях Катран, Бачкир, Кудаш, Яйпан, Охчи единица измерения воды называется *уруг су*, т. е. «одна родовая вода», или «вода рода» — группы кровных родственников. Единица же воды *уруг су* отпускается уже территориальной единице — кварталу, который населяют представители нескольких семейно-родственных групп.

Величина семейных трудовых групп (и их подразделений) определялась отраслью хозяйства, количеством воды в данном районе и даже в сезоне; учитывалась и обеспеченность рабочим скотом. Например, в Ташкенте (в селениях Карахтай, Унгут)

² Место захоронения основателя и его сыновей становилось кладбищем для жителей всего селения. О наличии и числе семейно-родственных групп можно было судить по «топографии» кладбищ. Примерно с 60-х годов распространяется порядковое захоронение, без учета семейно-родственной принадлежности покойного. Исключение делается для глубоких стариков и особо уважаемых людей, а также представителей *ходжа*; последние до сих пор хоронят умерших среди своей семейно-родственной группы и отдельно от других — особенно этнических — групп.

трудовое объединение составлялось из части разросшейся семейно-родственной группы караган³. Однако такая малая группа функционировала лишь при чистке общинных и особенно кишлачных водных магистралей. Подобные же семейные трудовые единицы — земельные и водные — существовали и в **зеравшанских селениях** (Чуянчи, Кадан, Пайшанба, Суганчи, Янбоши). Они функционировали, как и в **ташкентских селениях**, при чистке оросительных систем, при обработке полевых культур. Действия таких групп ограничивались пределами своего селения или поля. Для работ, которые надо было вести вне селения, в чужих краях, трудовые группы составлялись чаще всего из неродственных семей.

При этом еще раз подчеркиваем, что во всех выявленных нами трудовых и иных единицах семейно-родственные группы представлялись в них лишь частично. В полном составе они собирались при выборах администрации (селений и своей волости). В материальном обеспечении брачавшихся сторон и создании новой супружеской пары стороны также опирались на помощь всей семейно-родственной группы, т. е. и в этом случае она выступала как цельная единица.

Семейно-родственные группы обозначались различными терминами, что зависело и от этнолингвистической среды, и от территории ее распространения, и от времени их бытования в данном регионе. В литературе встречаются следующие термины *каум*, *уруг*, *туп*, или *топ*, отмеченные почти всюду в Средней Азии; *тойфа*, существовавший среди туркмен, белуджей и горных таджиков, употреблявших и термин *кында* [14; 17; 19; 21; 41]; *коше*, выявленный среди каракалпаков, в низовье Амударьи [18, с. 80—82]; *элат*, *джамоа* [34]. В рассматриваемых регионах термин «топ» был распространен всюду; нередко также употреблялись термины «уруг», «каум». В ангренских селениях (от Унгута до Аблыка) нами обнаружен упомянутый выше термин «караган» (в 1970 г.).

Сопоставление литературных, словарных и наших полевых материалов показывает, что при пользовании указанными терминами необходима большая осторожность, ибо все они являются многозначными и со временем изменяющимися. Некоторые из этих терминов (уруг, тойфа, каум) кроме понятия «семейно-родственная группа» обозначали род, племя или территориальную общину (джамоа) и даже целый народ (элат) или отдельный класс народа, маленькие династии царей (тойфа). Терминами «джамоа», «коше», «элат», «топ» могли называть также и административные единицы — волость, страну и деревню, лагерь, объединение, мирской сход. Приведенные термины, обозна-

³ Караган значит «относящийся к чему-либо или кому-либо», «смотрящий»; термин происходит от слова «карамок» [42, с. 658]. По своему значению он идентичен слову «уруг» — «семья, род» [42, с. 513]. Материалы о распределении земель и воды, организации труда сырдарьинских земледельцев имеются в работе Н. Д. Дингельштеда [16].

чавшие семейно-родственные группы, постепенно приобретали новое значение, отражая классовую или территориальную общность, но не родственную. Среди древних оседлых земледельцев высокоразвитых для своего времени районов, каким являлась, например, Ферганская долина в XIX—XX вв. [20], потеря значения родственных связей произошла в большей мере, чем среди недавно осевших пришельцев и тем более кочевников [25].

Рассмотренные нами семейно-родственные группы, как в целом, так и части их, являвшиеся трудовыми единицами, не выступали как хозяйственная единица; они не влияли на распределение доходов семей; потребление было не групповое, а семейное. Различные же формы родственных связей между отдельными семьями, их взаимная помощь не нарушали экономической и правовой сущности отдельной семьи, не превращали всю группу в форму семьи, как это иногда утверждается в литературе, например в [21].

Определением «семейно-родственная группа» мы не можем пользоваться безоговорочно. Судя по материалам, общины включали не только родственные семьи, но и чужих, пришлых поселенцев. Это отмечено и в далеких изолированных районах периферии, в горных районах и особенно в крупных долинах, для которых было характерно смешение различных народов, племенных и этнических групп как среди кочевого населения, так и среди оседлого [14; 15; 22; 38]. Невозможность повсеместного применения определения «семейно-родственные группы» подтверждают, как будет видно, и наши полевые материалы. Следует добавить — и это для нас весьма существенно, — что семейные объединения, даже если главы семей в них и происходили от одного предка, представляли только часть семейно-родственных групп общины. Кроме того, данные семейные группы являлись основой организации труда в полеводстве (всюду) и при ирригационных работах (в некоторых районах). В семейных трудовых группах хозяйственные и организационные интересы вытесняли и заменяли родственные связи (Ташкентский оазис); более того, эти интересы вызывали и изменчивость состава семейных групп (Ферганская долина).

Семейные трудовые группы как определенная единица являлись одной из общественных организаций общины; они функционировали наряду со всеми другими общинными организациями — семейно-родственными группами, мужскими и женскими объединениями, квартальными, профессиональными (нередко выходившими за пределы общины и всего селения), религиозными общностями. Семейные группы всюду сохранялись трудовой единицей в полеводстве. Однако во всех трех регионах они различались по организационной структуре (например, наличие — отсутствие глав групп), по формам труда (специализация труда или общий труд на семейных наделах), по характеру родственных связей, по постоянству состава и т. д. Группы семей,

составлявшиеся на основе требований организации хозяйства и труда в них, нередко основывались также на общности территории поселения этих семей или их наделов в большом земельном массиве общины и даже всего селения.

Семейные группы как трудовые организационные единицы не только общины в целом, но и отдельных ее частей довольно четко выступали во всех трех указанных регионах. В средней Зеравшанской долине местным наименованием этой организации являлся довольно широко известный термин «топ», или «туп», — группа, сборище, собрание [6; 7, с. 383; 11; 19]. Однако среди населения бытовал и другой термин — «кош». В литературе это слово до настоящего времени понимается лишь как мера земли, которую могла «вспахать пара волов за сезон», причем размер ее неправильно исчисляли в 50 танапов (в этом районе танал равнялся четверти десятины; десятина — немногим более 1 га)⁴. В действительности же под термином «кош» подразумевались два понятия: мера земли, площадь которой равнялась от 20 до 24 танапам посевов (от 5 до 6 десятин), и объединение семей, имеющее общую площадь всех пашен не более 50 танапов (т. е. 10—12 десятин).

Кош в 50 танапов, называвшийся *катта кош* («большой кош») в западной части долины или *топ* в восточной, — это семейная группа; она одновременно служила и мерой водной единицы [11]. Числу кошей, или топов, в кишлаках соответствовало и число единиц воды. Но количество воды, отпускавшейся одному кошу, или топу, соответствовало не 50 танапам пашни, а действительно вспаханной и возделанной весной площади посевов (влияло также количество ее в источнике). Последняя же по местной агротехнике достигала в лучшем случае двух третей пашни, обычно же равнялась половине [31].

В условиях орошаемого земледелия значение имело не только количество выделенной воды, но и время пользования ею. В низовьях оросительных магистралей в отличие от их верховьев, более обеспеченных водой, а также в засушливые годы, как правильно, полученную группой семей воду не делили между семьями-хозяйствами в соответствии с размером их земель, а полностью направляли на один или несколько соседних участков разных хозяйств (все эти конкретные условия не влияли на принцип раздела воды по группам). В результате направления большого количества воды в одно и то же место достигалось быстрое течение даже малого количества воды и сокращение сроков полива, поэтому крестьяне успевали оросить свои участки.

Сохранению единства каждой такой семейной группы и в дальнейшем в течение хозяйственного года или другого, более длительного периода содействовали способы орошения, количе-

⁴ В данном значении «кош» употреблен впервые Л. Н. Соболевым [35, с. 389]. Впоследствии этот термин ряд исследователей использовали применительно к другим районам [40]. Правильную величину коша как земельной (посевной) меры дал В. Л. Вяткин [13].

ство и режим поступления воды. Вода обуславливала размеры площадей и выбор возделывавшихся культур, их соотношение и урожайность (учитывались также — и не в последнюю очередь — требования рынка). Так как режим вегетации самих растений и их агротехника были весьма отличными друг от друга, то правильное использование земли определялось уже не только водой, но и возделывавшимися культурами, требовавшими определенной затраты труда и времени, а также соответствующей формы организации работ.

Размеры семейных групп отличались в разные хронологические периоды и по разным районам и даже по отдельным частям ирригационных систем, имевших свое направление земледелия. Для определения размеров кошей (топов) необходимо сопоставить их число с количеством семей (или хозяйств), селений или же земельных и водных единиц. Для этой цели мы предлагаем таблицу, выполненную нами на основе статистических данных о сельских обществах, составлявшихся из нескольких селений, об их хозяйствах и кошах как земельных единицах (напоминаем, площадь коша достигала 50 танатов пашни, или 12 десятин). Использованные сведения относятся к двум годам последней четверти XIX в., периода завершения земельно-податных работ, проводившихся царской администрацией в крае и приведших к значительным правовым и социальным изменениям в жизни местного населения ⁵.

Семейные трудовые группы (кош, топ) в низовье
р. Даргом (Ангорский тюмень)*

Сельское общество	Число хозяйств в обществе, 1872 г.	Число хозяйств в селении		Число кошей в селении	Число хозяйств в кошах	
		1872 г.	1900 г.		1872 г.	1900 г.
Джагалбайли	150	50	80	17	3	3,6
Туртайгир	103	20,3	59,2	8,2	2,37	7,2
Заалик	102	20,4	67,2	9,8	2,4	7
Хаузак	99	23	105,5	9	2,5	11,8
Уклан	51	8,5	40,1	4	12,7	60,2

* Составлено по: [6; 9; 10; 11; 31; 35]. Тюмень — административная единица.

⁵ Исчисление населения в прошлом давалось в различных единицах. Помимо «душ обоего пола» употреблялись понятия «семья», «кибитка», «двор», «хозяйство» и «домохозяйство». Однако эти термины не везде и не всегда были идентичны. Землю также измеряли в самых различных местных мерах: то количеством высевавшихся семян (батман, чайрак, пуд), то кошами, т. е. нормой пахоты рабочего скота за весенний сезон посева пшеницы (на Зеравшане) или за день (в Фергане), то общей площадью пашен одной семейной (трудовой) группы, то единицами воды и т. д. Все эти меры различались не только по долинам, но и в их пределах в зависимости от видов земель, вы-

Судя по таблице, величина кошей как семейных трудовых единиц постоянно увеличивалась в соответствии с изменением числа хозяйств, а число кошей оставалось неизменным. Степень увеличения числа хозяйств была обратно пропорциональна числу хозяйств в 1872 г. — исходном году, взятом для сравнения. Так, в наиболее крупном сельском обществе, в Джагалбайли (150 хозяйств), число хозяйств в 1900 г. возросло всего в 1,6 раза, а в небольшом Укланском обществе (51 хозяйство) — почти в 5 раз.

Могло быть несколько причин увеличения числа хозяйств, следовательно, и размеров селений (число селений за этот же период не изменилось), а в них — семейных групп. Сопоставляя прежние статистические данные с нашими полевыми этнографическими материалами, можно сказать, что увеличение числа хозяйств было связано с общей тенденцией распада большесемейных хозяйств на мелкие самостоятельные единицы (разделялись братья, сыновья отделялись от родителей, причем младший, как правило, оставался в отцовском домохозяйстве). Резкое ускорение темпа распада больших хозяйств на мелкие именно на рубеже XIX—XX вв., несомненно, было связано с завершением земельно-податных работ в Туркестане. Результатом их явилось утверждение новых форм землевладения, налогообложения (денежного), форм труда и т. д. Эти обстоятельства, в свою очередь, обусловили развитие товарного хозяйства, учащение распродажи земель и уход людей в торгово-промышленные центры. Число хозяйств могло **увеличиваться** и вследствие естественного роста населения и, наконец, переселения из других мест (последнее так часто и широко практиковалось в ханское время, что сложился специальный термин *ак уйли*) [5, с. 23—24; 13; 44, с. 198—199].

Величина селений и семейных групп (кошей) определялась числом хозяйств и общей постоянной земельной площадью, не изменявшейся, как и число селений. По традиции считали, что и количество кошей неизменно. В действительности не только количество семей в кошах было различно, но и число кошей в одном селении не было постоянным. В соответствии с изменением числа хозяйств изменялся (увеличивался) численный состав и кошей. Например, в Хаузакском обществе (99 хозяйств) крестьяне одного селения разделялись на девять кошей, каждый из которых включал от двух-трех до одиннадцати семей-хозяйств; в Хуртайгирских (100 хозяйств) кошах было объединено до семи хозяйств. Мы можем здесь говорить лишь о средней величине кошей. Если сельские общества рассматривать в зависимости от их расположения на ирригационных магистралях, а последние — в зависимости от их близости к одному из крупнейших центров Зеравшана, к Самарканду, то довольно ясно видно, что численный состав кошей возрастает по мере приближения к сот и уклонов рельефа. Они требуют особого исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

торговому центру и к верховьям водных магистралей. В этом же направлении увеличивалось и социальное неравенство в землевладении и распад больших семей-хозяйств [6; 10; 11].

Семейные группы по структуре и формам своей организации и жизнедеятельности не были одинаковы во всей долине. В западных районах — Хатырчи — Пайшанбе, по северному побережью р. Акдарьи и далее к востоку, в Джизакском уезде, — члены коша, или топа, жили по соседству друг с другом, дома их располагались в кишлаках рядом (в разных дворах или даже в одном общем дворе). Поливные земли их также находились по соседству не только на одном канале (кишлачном), но и часто в одном массиве, к которому отходил от кишлачного канала специальный оросительный отводок, называвшийся *кош арык* или *топ арык*.

Между членами таких групп существовали весьма тесные связи, особенно четко проявлявшиеся в полевом хозяйстве. К этому принуждала, как мы уже отмечали, и ограниченность воды, и очередность пользования ею, влиявшие на выбор культур и их соотношение. Единовременность полевых работ, с одной стороны, недостаток рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также и рабочих рук — с другой, и, наконец, необходимость осуществления некоторых работ в кратчайший срок, как того требовали агротехника и режим поступления воды, — все это заставляло крестьян объединяться для выполнения полевых работ в течение всего хозяйственного года. Совместные работы согласовывались с главой группы и производились по его указанию на отдельных участках-наделах крестьян по очереди, известной из года в год и определявшейся наличием воды для орошения и вегетационными режимами возделывавшихся культур. В период работы людей кормил хозяин надела. В Зеравшанской долине такая взаимная помощь называлась *хашар*, в Фергане — *альгоу* (она имела здесь некоторые особенности).

В западных районах Зеравшана семейные группы кош, или топ, чаще всего состояли из родственников по крови различной степени близости к своему предку. Для всех членов этих групп были характерны соседское единство и компактность полевых наделов. Каждый кош, или топ, имел своего руководителя — *кошбоши* — организатора полевых работ, ответственного за членов этой группы перед различными представителями водной администрации. Внутри самой сельской общины кошбоши выступал от своей группы перед *эликбоши* — выборным главой всей общины.

В восточной части Мианкаля (Янгикурган, Дагбид и др.) и на южной окраине Зеравшана (от р. Даргом до селения Калхат) семейные группы назывались термином «топ» [44, с. 128]. Термин же «катта кош» («большой кош»), обозначавший группу семей-хозяйств с общей площадью 50 танапов, здесь уже не сохранился в памяти крестьян и даже старых мирабов, являвшихся нашими информаторами (в 1960 г.). В этой группе районов

под понятием «кош» подразумевалась уже только мера воды, необходимая для орошения площади посевов, которую могла вспахать пара волов за весенний период, что, как мы отмечали выше, равнялось и здесь 20—24 танапам. Информаторы точно помнили и количество единиц воды, также называвшихся кошом, причитавшегося на даргатах той или иной общине *караказан*, или *казанишерик* ⁶.

Точность сведений наших информаторов, как и исчезновение старого названия именно семейной группы, подтверждается цифровыми данными из ранних списков населенных мест (1872—1873 гг.). В них приводится число кошей земли, которое совпадает с числом кошей воды наших информаторов. Таким образом, на основе этих совпадающих сведений мы точно можем говорить о семейных группах.

В отличие от кошей западных районов Зеравшанской долины топы — семейные группы Восточного Зеравшана — не являлись столь четкой организацией. Состав группы регламентировала только вода, направлявшаяся в различные части общинных полей в течение определенного времени. Наделы отдельных хозяйств группы и здесь располагались в поле компактно. Однако сами члены в кишлаках проживали иногда и не по соседству; они часто не являлись родственниками, объединенными единством происхождения. Эта группа не имела выборного главы. Совместные работы членов таких групп назывались уже не хашар, что имело оттенок добровольной помощи, оказывавшейся по мере возможности, а альгоу. Последнее означало строго обязательные трудовые отношения, должны быть выполненными в том же хозяйственном году [29]. Помимо семейных групп коллективная трудовая взаимопомощь крестьян осуществлялась и в пределах сельской общины; в основе этой организации лежала не семейная группа, а членство в данной общине, и именно эта форма труда продолжала называться хашаром [29].

Семейные группы топы в восточной части Мианкальского двуречья отличались некоторой особенностью по сравнению с топами южной окраины долины и с кошами северо-западной ее части. Объясняется это положение тем, что в Восточном Мианкале сохранялись некоторые моменты общинного землепользования и севооборота [43; 44, с. 50—83].

В этом районе все пахотные земли общины разделялись на три массива, каждый из которых в течение трех лет сохранял определенное хозяйственное назначение. Один массив целиком оставался под паром, другой в это время засеивали только рисом, третий занимали под так называемые сухие культуры — зерновые, технические и т. д. Чередование культур на массивах осуществлялось через три года в определенной очередности.

⁶ Этими терминами называли сельскую общину (также и по северному побережью Акдарьи) и общественный котел (в Западном Мианкале, Пастдаргоме, Чашмаобе), которым пользовались все четыре кишлака, составлявшие одну соседскую общину [7; 27; 28; 30; 44].

В каждом из трех массивов крестьяне имели свои постоянные наделы и обязаны были возделывать одинаковые культуры. В результате этого земли одного хозяйства были разбросаны минимум в трех отдаленных местах. Так как на массивах наделы чаще всего принадлежали нескольким крестьянам, то и число семейных групп здесь было больше и состав семей-хозяйств в них был различен. Иными словами, крестьянин работал в составе разных семейных групп, т. е. одновременно состоял в трех топах.

Единая организация труда, а также родственные отношения и нередко даже родо-племенная принадлежность членов этих групп обуславливали и другие формы контакта и взаимной поддержки. Семейная группа (топ, кош) выступала не только формой организации труда в полеводстве. Если эта трудовая группа состояла из ближайших кровных родственников, то она оказывала наибольшую помощь своему члену при различных семейных торжествах или в горе. Если же ее состав был смешанным, то роль семейной группы ограничивалась производственной организацией; материальную же поддержку при различных обрядах оказывала семейно-родственная группа. Так, в кишлаке Араб (под Самаркандом) на свадьбе, устраиваемой арабом, гостей обслуживали не члены общины, в которой он состоял, а его родственники (арабы), приехавшие, может быть, впервые из далекой Кашкадарьи на эту свадьбу. При чем обслуживаемые арабами гости являлись не только членами различных кишлаков, общины или других семейных групп, но и соседями (например, найманы) устроителя свадьбы, ибо они были представителями разных родо-племенных объединений.

Семейные группы существовали и в Ташкентском оазисе, и в Ферганской долине. Среди таджикского и узбекского населения верховьев Чирчика, в предгорных кишлаках Джетыкента (Ташкентский оазис) эти группы назывались *даха*, т. е. десятка, и *чек*, *чак*, а в Ангерском бассейне — чаще всего *топ*. В Ферганской долине последний термин также был распространен широко; лишь на северной окраине долины, от Намангана до Чадака, употреблялся термин «даха».

В одном из чирчикских селений Ташкентского оазиса, в старом Ходжикенте, находившемся прежде на правобережье реки, даха являлась частью семейно-родственной группы, как и зеравшанский кош. Она же была и водной единицей, по которой определяли количество мер воды. При весеннем утверждении очередности поливов жребий на воду разыгрывали не между отдельными хозяйствами, а между группами даха [28].

Семейные группы даха объединяли по десять семей, во главе их стоял *дахбоши*. Земли каждой группы сосредоточивались в одном месте. Рядом располагались участки еще нескольких родственников между собой семейных групп даха. Если получение воды целой даха зависело от жребия, то внутри ее полив семейных наделов определялся в зависимости от расположения их от-

носителю канала; пуск воды начинался с верхних или нижних земель. Срок поливов земель у даха был одинаков. Это обстоятельство дает возможность предполагать и о равенстве общей площади посевов у даха, так же как и площади у коша и топа Зеравшана. В ходжикентских даха, как и в зеравшанских кошах, между семьями существовала постоянная взаимопомощь в полевых работах. Они участвовали, и в первую очередь, в семейных обрядах, оказывая материальную помощь. Но в этом случае они выступали как часть семейно-родственной единицы.

Члены семейных групп даха нередко жили в разных частях селения и даже квартала, т. е. они не являлись соседями по месту жительства. Здесь необходимо отличать рассматриваемую нами водную и организационную группу от территориальной части общины, называвшейся также даха. В кишлачных даха, что соответствовало кварталам-общинам Ходжикента, соседствовавшие семьи часто не находились в родстве по отцовской линии.

Квартальная группа даха-община, состоявшая не только из родственников по отцу, также выступала одной организационной единицей, но не в полевых работах, а при сборах диких фруктов и орехов в лесных рощах; последние распределялись ежегодно по жребью между кварталами, населенными членами даха всего Ходжикента. Наибольшая и самая различная организационная (не материальная) помощь при свадебных обрядах, на похоронах также осуществлялась членами квартала-даха, а они, по общему мнению, в прошлом соответствовали и семейно-родственной группе.

Нанай, Сиджак, верхние селения по р. Чирчик (выше находится лишь Пскем), также разделялись на даха; рядом селились ближайшие родственники — *хешо*. Они постоянно оказывали друг другу поддержку в домашних делах, семейных торжествах, на похоронах. Здесь также именно квартальная семейная даха являлась той единицей, которая собирала лесные фрукты и орехи в рощах вокруг *ка'ла* — так назывались в прошлом многие селения в верховьях Чирчика. Эти рощи ежегодно перераспределялись в *ка'ла* между всеми кварталами-даха по жребью.

Поливная вода в Нанайе не переделялась, ее по очереди отпускали по даха на огородно-садовые земли, имевшиеся около домов. Полевые земли (*дала*), орошаемые естественно, находились далеко в горах. Наделы отдельных хозяйств располагались там независимо от соседства крестьян в селении, тем не менее взаимная помощь в полевых работах существовала и здесь; она оказывалась крестьянами друг другу постоянно, причем независимо от места жительства в селении и от расположения их земель. Это были временные объединения. Состав их не оставался постоянным в разные годы и даже в течение одного года, что зависело и от вида работ, и от изменявшегося экономического положения.

Семейные группы под названием топ, или чак, существовали

и в селениях предгорного района между реками Чир-ик и Ангрэн, в бывшей Джетыкентской волости (ныне переименованной в Паркентский район Ташкентской области). Термин «чак» больше употреблялся в Паркенте и Заркенте и некоторых других селениях, где наряду с частным землевладением сохранялись и общинные переделявшиеся пашни (поливные и неполивные); в остальных кишлаках семейные группы назывались чаще всего топ.

Группы чак состояли в основном из родственников, особенно в Заркенте, а в других, окраинных селениях они не всегда имели единое происхождение. И в кишлаках не все члены этих групп проживали по соседству. В результате такого положения чак иногда не совпадал ни с даха, частью квартала-общины, ни с уруг, семейно-родственной группой. Численность чак в одном селении была одинаковой, но она различалась по селениям, что обуславливалось и величиной последних, и размером возделывавшихся площадей. В чаках насчитывалось от 8 до 12 семей.

В рассматриваемом районе чак являлся самой мелкой единицей, между которыми распределялись общинные пахотные земли. Однако группа чак, получив по жребии землю, внутри себя не делила ее на отдельные участки, если это были *лолами*, т. е. естественно орошаемые. В противном случае распределялись земли между семьями; тогда размер участков отдельных семей зависел от вкладывавшихся ими средств (рабочего скота и т. д.). Или разделяли землю поровну между всеми, ведя впоследствии взаимные расчеты из урожая или других средств. Или, наконец, оставляя землю общей, делили только урожай между всеми членами группы, но не поровну, а в соответствии с их положением, с вложенными средствами и т. д.

Участки общинных земель, расположенные в разных местах, отличались своим качеством (плодородием, формой границ, уклоном и т. д.). Поэтому переделам подвергались все земли, причем сначала между территориальными частями селений, а затем между различными группами населения, в частности семейными группами топ, или чак. Кроме того, отдельные общинные земли отличались и своими размерами. Поэтому в разных массивах чакам доставались участки разной величины. Однако общая площадь участков каждого чака одного селения была одинаковой.

Группа чак, получив по жребии свои участки в разных массивах, не делила их между своими семьями. Глава чака распределял только различные виды труда, и вся группа на своих участках работала как один коллектив. В соответствии с таким положением урожай распределялся поровну между всеми членами.

При устройстве различных семейных торжеств нередко чак-овая группа частично или даже в полном составе участвовала в них. Организационной единицей выступали родственная группа

уруг и территориальное объединение махалла в Самаркандской области, или даха в Ташкентской, т. е. квартал-община.

Топы селения Карахтай, расположенного на Ангрене Ташкентского оазиса, состояли из разного числа родственных (различной степени) и неродственных семей. Здесь под топами подразумевали такую группу семей, которая объединялась для взаимной помощи в полевых работах на наделах каждой семьи. Объединения создавались с учетом компактности расположения земельных наделов, для которых отпускаясь определенная мера воды. Взаимная помощь в полевых работах осуществлялась в пределах топа, имевшего земли в одном месте. Однако совместные работы по очистке ирригационных магистралей общин распределялись водной администрацией не по топам, а по караганам, т. е. по группам, состоявшим только из родственников, связанных хорошо известным им одним предком (по мужской линии).

Семьи одного топа (а также и карагана) не занимали какую-либо одну определенную часть селения Карахтай, они расселялись по всему кварталу, члены же карагана жили в разных кварталах-общинах. В организации свадебных церемоний и материальной помощи главную роль играли члены своего карагана, или уруга, а в обслуживании гостей на свадьбе, приглашенных из других кварталов или общин, на похоронах — соседи данного квартала, т. е. общины.

Аналогичное распределение обязанностей между семейно-родственными группами отмечалось и в крупном селении Пскенте, или Бискате, как его называло само население: роль топов здесь также ограничивалась взаимной помощью в период полевых работ. На чистке общих магистралей ни топ, ни карахтайская семейно-родственная группа караган не являлись трудовой единицей, таковой считался коллектив водопользователей данного массива. В осуществлении свадебных обрядов материальную помощь оказывала семейно-родственная группа, а организационную — соседи по кварталу. Помимо них в полевых работах жениху помогал мужской союз *ульфат*, создававшийся в Бискате на основе взаимных симпатий членов.

В первой половине XIX в. топы широко отмечены в Ферганской долине, что нашло отражение даже в официальных земельных документах. По-видимому, топы представляли довольно определенную организацию в общине. Из ханских документов явствует, что в топы различного численного состава входили большей частью родственные семьи, хотя среди них отмечаются, по-видимому, и чужие (во всяком случае, родственные связи их остаются неизвестными). Эти семейные группы имели своего главу — *топбоши*, представлявшего их перед местной администрацией, а в давние времена даже перед ханскими чиновниками. На основании документов мы не можем сказать, как осуществлялся труд на землях: помогали ли члены топа каждому хозяину на его участке, или различные виды труда осуществлялись

отдельными специалистами по всем наделам. Однако ясно, что здесь также существовала единовременность полевых работ и ими руководил глава топа⁷.

Судя по собранным нами материалам, освещающим последнее столетие, члены каждого топа в кишлаке жили по соседству друг с другом. Из этого можно предполагать, что в более раннее, ханское время были сильны не только родственные связи, но и территориальное единство членов семейных групп.

Однако к концу XIX в. и особенно, по-видимому, в XX в. трудовое единство и даже родственные связи в топах, как в целом, так и в общине, подверглись значительному ослаблению. Большинство топов состояло из неродственных семей; компактность же проживания членов топов в кишлаках сохранялась до последнего времени. В XX в., по-видимому, даже увеличилось и участие отдельных семей в совместной работе. Основанием для этого предположения служат не только сохранение прежних условий водопользования, низкий уровень техники и нехватка рабочей силы, необходимой единовременно и на короткий срок, но также вытеснение зерновых и расширение площадей под пропашными культурами, в особенности под такой технической культурой, как хлопчатник [4; 23; 24].

Эти поздние объединения создавались для выполнения одного определенного вида труда; для других работ могли объединяться частично и другие семьи. При этом изменялся не только состав группы, но и число участников «помочей». Кроме того, каждый крестьянин сам организовывал общественную работу на своем участке по мере своих надобностей и возможностей, без содействия какого-нибудь руководителя топа, главы производственной единицы.

Совместный труд членов семейных групп имел характер взаимного долга, который необходимо было компенсировать обязательно в определенный срок и в идентичной форме. Упомянутая здесь форма помощи крестьян (хашар) сохранялась в строительстве домов (при возведении стен и обмазывании крыш), и оказывалась она большей частью родственниками, независимо от их места жительства в общине [30].

Различные семейные и общественные обряды совершались не семейной трудовой единицей, а кварталом-общиной, и в нем выделялась в первую очередь родственная группа топ, занимавшая определенную часть квартала.

⁷ Переводчик и комментатор документов Кокандского ханства А. Л. Троичкая на основании существовавшего в топах коллективного труда сравнивает топы с объединениями *пайкалами* низовьев Кашкадарьинского бассейна [41]. Действительно, взаимопомощь семей отмечалась всюду: была она и в Кашкадарье [26], и не только в низовьях, но и в ее верховьях, где нами зафиксировано объединение труда даже у издольщиков. Однако кашкадарьинские пайкалы, как и джетыкентские чаки, не могут быть поставлены в один ряд с топами, особенно с ферганскими XIX в., ибо последние представляли собой уже весьма ослабленные, иногда почти незаметные следы коллективизма в сельской общине.

Семейные группы, стабильность которых в различных районах была неодинакова и которые поэтому представляли множество форм, характеризовались и рядом общих черт. Так, ни одна из групп не имела экономического единства, «общего котла», свойственного, как известно, одной семье; группа в целом не являлась податной единицей (налог брали с различных видов урожая, складывавшегося на току, — *хирман*). Во всех районах и при всех условиях, каким бы термином ни называли семейные группы, главной целью их образования оставались интересы земледельческого производства, стремление рациональнее использовать имевшиеся у крестьян средства производства (воду, землю и рабочую силу). Семейные группы выступали как водные единицы и как одна из форм организации труда в сельских общинах.

Такие группы как форма организации труда определенное время сохранялись и в общественном производстве колхозов в виде полевых звеньев в бригадах, особенно в хлопководческих, что объяснялось большой трудоемкостью этой отрасли земледелия, требовавшей или техники, или соответствующей организации труда [44].

В зависимости от размеров земельных площадей и численности состава полеводческой бригады размеры звеньев и их количество бывали разными; кроме того, на эти показатели влияли также перестройка колхозного производства, изменения структуры земледелия (а именно расширение хлопковых площадей) и внедрение техники.

Но каковыми бы ни были звенья и размеры обрабатываемых ими земель, принцип образования звеньев оставался неизменным: для возделывания определенной площади составлялся коллектив из нескольких объединенных семей. В одних таких коллективах семьи находились в родстве друг с другом (как по отцовской линии, так и по свойству), в других же нередко были и чужие.

Это явление было настолько естественным, сохранившимся и в колхозный период в общественном производстве, что, желая особенно хорошо и точно объяснить и охарактеризовать дореволюционный кош в Зеравшане, наши информаторы из разных районов говорили: «Кош — это то же самое, что теперь называется звеном».

И действительно, в 1952—1960 гг. два определения семейных групп: старое — «кош» и новое «звено» были совершенно идентичны. В первые годы существования колхозов, примерно в 30—40-е годы, звенья состояли из тех колхозников, которые в прошлом входили в кош. Они и работали на прежних «своих» землях, но теперь обобществленных; сохранялся и старый порядок очередности как поливов отдельных участков, обрабатываемых звеном, так и сельскохозяйственных работ на них. Если кошбоши в прошлом был хорошим и опытным земледельцем, а большая часть их таковой и была, то его оставляли в своей группе

в качестве звеньевых. Наконец, звенья в течение года работали только на своих участках.

Однако по мере развития техники и оснащения ею колхозного производства постепенно изменялась роль звеньев как организационной единицы. Одна из первых перемен, вызванная неравномерностью механизации труда, заключалась в том, что звенья обрабатывали помимо своих земель участки других звеньев, причем сначала только в пределах своей бригады, а затем их перебрасывали по всем колхозным землям (этот вид помощи назывался *ёрдам*, но употреблялся и старый термин — *хашар*, оба термина означают буквально «помощь»). Эти переброски все учащались и расширялись, что в конце концов к середине 50-х годов привело к несоответствию между формой организации труда и правильностью учета и оплаты его.

Одновременно с этим изменялся и состав звеньев. Во-первых, увеличивалось не только число неродственных семей в них, но появлялись даже «инородные» семьи, которые относились к другой этнической группе и даже иной национальности. Во-вторых, и это особенно важно, в связи с увеличением и развитием техники, расширением агрономического обслуживания общественного земледелия, специализации труда и другими причинами в звеньях оставалось работать все меньшее число членов семей. Некоторые из них уходили в другие отрасли хозяйства или в управленческо-обслуживающий аппарат или даже в другие колхозы и на промышленные предприятия, на учебу.

Таким образом, к концу 50-х годов звенья в отличие от прежних кошей, или топов, и чаков уже нельзя было считать даже семейной группой, ибо членами их выступали не семьи в целом, как это было в прошлом, а лишь отдельные люди — трудящиеся колхозники⁸.

Все изложенные наши полевые материалы о семейных группах, отмеченных нами именно среди оседлых земледельцев в разных природных условиях и при различном направлении полевого хозяйства, позволяют показать наличие и повсеместное распространение семейных групп в районах орошаемого земледелия. Мы не можем согласиться с утверждением, имеющимся в литературе, о несвойственности этой формы организации оседлому населению [21].

Однако значение полевых материалов не исчерпывается выявлением семейных трудовых групп в рассматриваемых долинах.

⁸ Современные полевые звенья в колхозном хозяйстве отличаются весьма большим многообразием и по своей структуре, и по содержанию. Они отличаются также и от звеньев первых лет образования колхозов, и тем более от старых производственных единиц — от кошей, чаков и топов. Поздние звенья представляют собой чрезвычайно сложное и интересное явление с точки зрения и новых форм организации труда, и связи их со старыми традициями и с семейно-родственными, этническими отношениями. Они требуют специального и весьма тщательного изучения. Однако это не является задачей данной работы.

Они также показывают различную роль семейных групп в разных районах, многообразие и изменение их содержания. Суммируя изложенные материалы о соотношении значений семейно-родственных и семейных трудовых групп, мы можем сделать следующие выводы.

В районах орошаемого земледелия уже на рубеже XIX—XX вв. семейно-родственные группы, являвшиеся основой сельской общины, потеряли свое первоначальное значение трудовых и территориальных единиц. Процесс разложения генеалогических родственных отношений происходил в первую очередь в области производственной деятельности, а именно в полеводческой отрасли земледелия. Этот процесс в какой-то мере соответствовал степени исчезновения родо-племенного деления, отражавшего, в свою очередь, степень оседлости населения различных регионов.

Семейно-родственные группы не сохранили территориального единства и из основы сельской общины превратились в одну из организационных единиц селений. В качестве определенной общественной единицы семейно-родственные группы повсеместно имели значение лишь в некоторых вопросах управления и быта, семейных и религиозных обрядов, где в ряде случаев также учитывались уже территориальные, соседские связи.

Роль отдельной трудовой единицы вместо семейно-родственных групп выполняли семейные группы. Основой их образования всюду являлись уже не родственные связи, а компактность земельных наделов отдельных семей-хозяйств при обязательной общности орошения. Выявленные же различия определялись характером родственных связей между семьями, степенью организационной оформленности и устойчивости этих групп.

Семейные трудовые группы можно разделить на три вида, соответствовавшие в основном трем регионам.

Для зеравшанских семейных групп как наиболее сохранивших генеалогические связи были характерны единство места поселения семей, постоянство состава, сохранение организационной формы, специализация труда внутри группы и применение его на всем общем массиве группы.

В ташкентских трудовых группах семьи, как правило, не являлись соседями в общине, а если ими и были, то входили в различные трудовые группы. Организационное оформление и постоянство состава групп здесь также сохранялись. При этом одни семейные трудовые группы, будучи частью семейно-родственной генеалогической группы, не сохранили единства поселения; другие сохраняли общность земельного массива, где, однако, общий труд осуществлялся по наделам.

В Фергане семейные трудовые группы характеризовались отсутствием генеалогической связи между главами семей, нарушением единства и поселения, и обрабатываемых участков, изменчивостью состава, организационной неоформленностью, строгой обязательностью и эквивалентностью расчетов за труд

(осуществлявшийся к тому же на индивидуальных наделах и в том же году).

Таким образом, три вида семейных трудовых групп показывают, как последовательно на фоне распада родственных связей шел процесс постепенного подчинения родственных отношений территориально-экономическим. Соответственно этому изменялся и характер труда: от труда общинного к групповому, семейно-родственному (с тенденцией изживания родственных связей) и, наконец, к индивидуальному, т. е. семейному и индивидуальному труду.

Литература

1. *Абдураимов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. Т. 2. Таш., 1970.
2. *Андреев М. С.* Из этнографии таджиков.—Таджикистан. Сборник статей под ред. Н. Л. Корженевского. Таш., 1925.
3. *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана.—Сочинения. Т. 3. М., 1965.
4. *Батраков В. С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства.—Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 62, Таш., 1955.
5. *Бикжанова М. А.* Семья в колхозах Узбекистана. Таш., 1959.
6. *Благовещенский В. П.* Ишим-Аксацкая волость. Данные экономического исследования волости в 1893—94 гг.—Справочная книжка Самаркандской области (далее — СКСО). Вып. 4. Самарканд, 1896.
7. *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869.
8. *Веселовский Н. Дагбид.*—Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., 1887.
9. *Вирский М.* Статистические сведения о Зеравшанском округе за 1872 г.—Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб., 1876.
10. *Вирский М.* Землевладения и повинности в Самаркандском уезде.—СКСО. Вып. 7, 1902.
11. *Вирский Н. М.* Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным поземельно-податных работ.—СКСО. Вып. 10, 1912.
12. *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари.—В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
13. *Вяткин В. Л.* Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803 гг.).—Известия Средне-Азиатского отделения РГО. Т. 18. Таш., 1928.
14. *Гафферберг Э. Г.* Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969.
15. *Губаева С. С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. Таш., 1983.
16. *Дингельштедт Н. Д.* Опыт изучения ирригации Туркестанского края.—Сыр-Дарьинская область. Т. 1. СПб., 1893, т. 2, 1895.
17. *Ершов Н. Н., Қисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.—Труды Института этнографии АН СССР. Н. сер. Т. 24. М.—Л., 1954.
18. *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков.—Труды Института этнографии АН СССР. Н. сер. Т. 9. М.—Л., 1950.
19. *Задыхина К. Л.* Некоторые вопросы изучения этнического состава УзССР.—Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. 37. М., 1962.
20. *История народов Узбекистана.* Т. 1—2. Таш., 1955, 1957.
21. *Қисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.

22. *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев.— Труды Института этнографии АН СССР. Т. 3. Вып. 1. М.— Л., 1940.
23. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 2. Самарканд, 1925.
24. Обзор Ферганской области за 1891 г.— Новый Маргелан, 1896.
25. *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968.
26. *Полозов В. А.* Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи УзССР.— Народное хозяйство Средней Азии. Таш., 1925, № 7.
27. *Рассудова Р. Я.* Следы общинно-военной организации у узбеков.— Советская этнография (далее — СЭ). М., 1966, № 5.
28. *Рассудова Р. Я.* К вопросу общинных отношений в Ташкентском оазисе.— Полевые исследования 1970 г. М., 1971.
29. *Рассудова Р. Я.* Формы организации труда в некоторых орошаемых районах Средней Азии.— Труды Института этнографии АН СССР. Т. 97. Л., 1971.
30. *Рассудова Р. Я.* Сельская община в низовьях Пастдаргома.— Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
31. *Рассудова Р. Я.* Значение термина «кош» в земледельческих районах Средней Азии (начало XIX — конец XX в.).— СЭ. 1974, № 6.
32. *Рассудова Р. Я.* Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии.— Ономастика Средней Азии. М., 1978.
33. *Семенов А. А.* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре.— Советское востоковедение. Т. 5. М.— Л., 1948.
34. *Снесарев Г. П.* О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма.— СЭ. 1957, № 2.
35. *Соболев Л. Н.* Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе.— Записки Имп. Русского географического общества по Отделению статистики (далее — ЗИРГО). Т. 4. СПб., 1874.
36. Статистические материалы по Самаркандской области за 1887—1888 гг. Самарканд, 1889.
37. Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелево, 1909, прил.
38. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душ., 1966.
39. *Терентьев М. А.* Статистические очерки Среднеазиатской России.— ЗИРГО. По отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874.
40. *Троицкая А. Л.* «Заповедники»-курук Кокандского хана Худояра.— Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 3. Л., 1955.
41. *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.
42. Узбекско-русский словарь. Таш., 1941.
43. *Чертов В. И.* Дагбитская волость. Данные экономического исследования.— СКСО. Вып. 4, 1896.
44. Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.